

лярис": "Не переживай, я знаю: ты и я, мы — гении. Вы, русские, вообще гениальный народ".
В "Андрее Рублеве" совершенно потрясающая сцена отливки колокола, первого колокола послеордынской Руси. Сынишка талантливого, но спившегося мастера, берется изготовить колокол, ссылаясь на то, что отец перед смертью передал ему свои секреты. На самом деле отец так ему ничего и не рассказал. Колокол удалось отлить. Россия обрела голос благодаря юноше, свершившему подвиг не по годам. Его роль блестяще сыграл Николай Бурляев, ставший открытием картины. А заключительные сказочные краски "Троицы" Рублева, а сцены языческой Руси?

ПОЗЖЕ в Италии, где я работал корреспондентом, довелось увидеть "Солярис", картину иного, философского плана. Там же познакомился с самим Тарковским. Произошло это в 1970 году в Сорренто, где проходил показ советских фильмов. По этому случаю в "город улыбок" была приглашена большая группа режиссеров, актеров, кинокритиков. Инициативу показа и все расходы взял на себя Акилле Лауро, мэр Сорренто, богатейший судовладелец, конкурент Онассиса.

До этого он был мэром соседнего Неаполя, затем вернулся к делам своей судовой конторы. А своего великодушного сына сделал (с его деньгами это было нетрудно) мэром Сорренто. Но тут с сыном стали твориться странные вещи. Вообразив себя настоящим боссом, тот стал одаривать местных футболистов дорогими "мерседесами", затем стал закупать в гигантских масштабах ... цыплят, а когда его долги зашкалили за несколько миллиардов лир, обратился к папаше. А тот, в свою очередь, к врачам. Врачи определили, что сынок у него слегка "ку-ку", не вполне адекватен. Это спасло потомка от суда, но не от отставки. Престарелому Лауро пришлось выплатить долги, а заодно заменить сына, возглавив Сорренто. Тогда-то и пришла ему мысль привлечь в Сорренто потоки туристов, предоставив им возможность приобщиться к культурным инициативам. Человек расчетливый, он сообразил, что участие весьма популярной советской кинематографии создаст необходимую ауру, а стоит будет не так дорого, как ангажемент голливудских звезд. И обратился в наше посольство.

Посол Никита Рыжов поддержал идею и обязал нас, корреспондентов, аккредитованных в Риме, отправиться на юг посмотреть наши фильмы и в то же время пожить несколько дней в фешенебельных отелях, питаясь за счет хозяина города, словом, сочетать приятное с полезным. Рыжов и сам пожеловал в Сорренто, нанес визит Лауро. Взяв меня с собой, откомендовал мэру — "А это пресса..." Наклонившись, тихо спросил: "Правда, что тут у них в джунте (то есть мэрии) есть фашисты?" — "Да" — "Но не все?" — "Все двадцать". Акилле Лауро, монархофашист по убеждениям, любезно вспомнил: "А ведь это мы с Муссолини начинали с вами торговлю". В тридцатых годах Советский Союз поставлял Италии миллион тонн нефти в год (на танкерах Лауро), итальянцы строили нам предприятия, в том числе очень необходимый завод шарикоподшипников. Экономическую тему посол охотно поддержал, поскольку это был его конек. В заключение Лауро сказал, что посол ему понравился, и он лично откроет фестиваль советских фильмов. И заверил, что обещает полный порядок в дни фестиваля. "Никто ваших флагов срывать не будет, выкрики я запретил. В конце концов, кто платит нашим юношам (речь шла о фашистских активистах)? Касса-то у меня". И обещал обеспечить благоприятное расположение прессы.

Тут-то и вышла накладка. От римской монархо-фашистской газеты "Темпо" прибыла на фестиваль пожилая русская аристократка. Кто же лучше русских, тем более аристократов, может освещать русское мероприятие? Но в первый же день корреспондентка "Темпо" начала освещение фестиваля довольно странно. Она отметила, правда, что приехало немало красивых и неплохо одетых женщин, а среди мужчин отметила очень любезного человека по фамилии Тарковский, который угощал ее водкой и шесть раз (!) провозглашал за нее тост. Но любовь не всегда бывает взаимной. Эмигрантка утверждала, что на самом деле Тарковский никакой не режиссер, за которого себя выдает, а приехал ... спекулировать водкой и икрой. Андрей был потрясен. В эти дни мы отмечали как раз в одном из отелей Сорренто пятидесятилетие Сергея Бондарчука, но Тарковскому было не до веселья. Он был удручен, на глаза навернулись слезы. Его, как мог, утешал Донатас Банионис, заверяя, что все любят его, что он гений, а наветы взбредившей старушки недостойны внимания. И Тарковский успокоился, просветлел, вновь обрел хорошее настроение. Такое, которое было у него накануне вечером, когда вместе с кинообозревателем Капраловым мы навестили киногруппу в гостинице. Там он был в центре компании, был оживлен. Конечно, рядом Италия, солнце, море. И вдруг такая оскорбительная бессмыслица.

Я рассказал об этом случае послу, он предложил отправиться вместе с ним к мэру. Почти девятилетний Лауро (впрочем, незадолго до этого женившийся на молодой особе) был в гневе. Он тут же вызвал помощника: "Где эта карга?" — "Вышла погулять". — "Соберите ее багаж. Как только вернется, засуньте ее в первый же поезд на Рим вместе со всеми вещичками. А он действительно известный?" — уточнял Лауро. "Очень", — ответил Рыжов. Мэр вызвал по телефону директора газеты. "Ты уволен, —

кричал Лауро. — Я забираю у вас свой контрольный пакет. Как почему? Кого ты мне прислал? Старуха ни в чем не разбирается. Известного режиссера обзвала спекулянтом. Вы срываете мой фестиваль. Если через два часа не пришлете нового корреспондента, мы распродаемся. Понятно?"

Из "Темпо" спешно прислали нового журналиста. Он, правда, тоже не ахти как разбирался в кино, но и не создавал проблем. Фестиваль прошел с успехом. Юные фашисты сдерживали эмоции, глядя как девушки в фильме Ростоцкого "А зори здесь тихие" справлялись с матерями эсэсовцами (для местных поклонников Гитлера они были воплощением "сверхчеловека"), и только на улице кричали: "Этого не могло быть!" Обычная публика воспринимала фильмы нормально.

ТАРКОВСКИЙ оставлял тогда впечатление какой-то хрупкости, ранимости, незащитности. Его коллеги относились к нему предупредительно, я бы сказал, нежно, зная какой талант кроется в этом легко обижаемом человеке с типично русской доминантой — ему важнее всего было, чтобы его понимали.

Позже в Париже, где я работал корреспондентом "Литературки", шла премьера "Зеркала". Тарковский прибыл на французскую премьеру своего фильма с большими надеждами. "Зеркало" я смотрел в одном из кинотеатров на Елисейских полях и увидел, что до французов фильм не очень доходит. Дело было не столько в непонимании сюжетной канвы, скажем, эпизода, где героиня в панике оттого, что могла допустить в тексте неприличную опечатку в титуле Главнокомандующего, за которую можно было оказаться за решеткой. Нет, фильм был от них далеко-далеко как по философии, так и по всей его лирической атмосфере. Поэзия дождя, костра, волнующейся травы, свежих деревянных полов на даче не могла быть принята так, как мог ее прочувствовать русский зритель. Французские зрители не пытались постичь настроения режиссера, уловить подтексты, проявить то терпение, какое они уделяли фильмам своих режиссеров — Годара или Брессона с длительными паузами и фиксацией деталей. От них ускользала мысль фильма о том, насколько велика роль России, значение духовного мира ее людей, их жертвенности для хода истории Европы. Фильм казался им просто затянутым. Некоторые уходили в середине сеанса.

Мы беседовали с Андреем Тарковским после просмотра "Зеркала" в посольстве. "Вам не кажется удивительным, что французы не уловили мысли, которая у вас выражена словами Чаадаева, о том, что Запад в долгу перед Россией, которая веками, с большими жертвами, прикрывала его от завоевателей?" "Странно, но они этого даже не заметили. Мне казалось, я все сказал ясно. Непонятно, как они не увидели, что фильм несет критический заряд, что это по существу — послание им". "Мне показалось, что ряд фрагментов "Зеркала" по манере близок фильмам Брессона". Тарковский оживился: "Хорошо, что вы это заметили. Брессон — мой любимый режиссер".

Приезд Тарковского в Париж в целом привлек немалое внимание. Режиссер давал интервью ряду телепрограмм. И его ответы, со всеми оттенками, которые сопровождали течение мысли, были весьма точно переведены миловидной блондинкой С., дочерью знакомого мне работника газеты. Незадолго до этого она вышла замуж за французского барона. Консул рассказывал, что зайдя к нему она бросила на стол советский паспорт и сказала: "Заберите эти бумажки". "Возьмите, возьмите паспорт обратно. Он вам еще очень и очень понадобится", — ответил дипломат.

И действительно, вскоре С. вместе с мужем приобрела здание кинотеатра, который специализировался на показе советских фильмов. А сама привлекалась для встреч гостей из Советского Союза, для ведения рубрик телевидения с участием наших кинодеятелей. Ее приглашали также вести переговоры о культурных контактах Франции с представителями страны, паспорт которой она сохла бумажкой. Впрочем, несмотря на блестящее знание языка, в процессе бесед с ее участием нередко возникало какое-то недопонимание, появлялись оттенки раздражительности и неприязни между собеседниками. Переговоры в ряде случаев срывались, хотя серьезных причин для этого, казалось бы, не было. Такие моменты возникали, например, в беседах с Сергеем Бондарчуком. Он мог только догадываться, что то или иное недоразумение могло быть искусственно внесено в ходе перевода. Но в интервью с Тарковским она была безупречна, подчеркнуто любезна.

“ОСТАЛСЯ! Остался там, на чужой земле! Разумом понимаю: доведен до отчаяния...”, пишет в своих воспоминаниях Наталья Бондарчук о самом трагическом шаге Тарковского. "Вновь и вновь в памяти встают его слова, сказанные в самолете по возвращении с Каннского фестиваля: — Я могу работать только в России, дома. Там я никому не нужен, я нужен здесь... дома."

Неожиданно, вспомнив о маленьком сыне Андрюше, он заплакал. Всей советской сутью Тарковский был соединен с понятиями Родина, дом, сын.

Нет, это было не предательство, это было насилие над собой, граничащее с самоубийством. Кто подвел его к этой роковой черте, будет со временем ясно...

О том, что его угнетали немалые трудности для творчества в собственной стране, говорили и писали многие. Но писали и другое. "В



ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ